

ФЕВРАЛЬ–МАРТ

1924 года

I.

Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!
Зеленый рай, Тристанов Irish boy!
Крестильным звоном задрожал хрусталь..
Ленивых тополей теперь не жаль:
Взвился пузатый парус над тобой.

—Подобно смерти промедленье.—
Один восторг, одно волненье
Сулит летучее движенье,
Где радостна сама печаль.

Не писанная—мокрая река,
Не призрачный—дубовый, крепкий руль,
Жасминный дух плывет издалека...
И разгорается заря, пока
Не перестанет улыбаться Гуль...

В любви расплавятся сомненья.
Одна весна, одно влеченье!
Протянута, как приглашенье,
К тебе горячая рука.

февраль 1924

FEBRUARY—MARCH

1924

I.

Do you hear the wind? Sun and February!
Green paradise, Tristan's Irish Boy!
The crystal quivered with a baptismal chime...
No more pity, no more time for lazy poplars
The paunchy sail soared above you.

“Dawdling is akin to death.”
Only ecstasy, only choppiness
Promises a flying motion
Where joyous is sadness itself.

Undepicted—watery river
Unphantasmal—strong, oak tiller
Jasmine perfume floats in from yonder...
Daybreak kindles and ignites, meanwhile
Hull will not cease smiling...

In love every doubt melts away.
Only spring, one inclination!
Like an invitation, a hot hand
Reaches out in your direction.

February 1924

3.

I remember that night like it was today...
And the date: the 23rd of November.
Music, that loveliest of matchmakers,
Swayed us convincingly, burning fiekly.

I sang “Dorina and the Coincidence,”³
Propagandizing Berliner morays
Not in vain! A voice echoed, “I won’t desert
You. Open your eyes, all doubts chased away.”

Suddenly it became so clear, so longed-for,
As if in my hand they had placed a thread.
And I said: “Could it be, it’s unfamiliar
But I could fall so in love with you!”

With what belatedness words arrive!
Already a secret tryst had sprung alive
A simple visit, altering destiny.
But dimwitted Dorina listened to us
With compassion, forgetting the shimmy,
As if we were her personal creation!

February 1924

3 “Dorine und der Zufall”—an operetta by Gilbert from 1923. [M.K.]
(1922) [*Trans*]

4.

Разлетаются, как птицы,
Своевольные мечты.
Спится мне, или не спится,
Но всегда со мною ты.
Притворяться не умею,
А всего сказать не смею,
 И робею,
 И немею
У пленительной черты.

От весеннего похмелья
Каруселит голова...
Сладость этого веселья
Мне знакома и нова!
Как должны быть полновесны,
Необычны, неизвестны,
 И чудесны,
 И прелестны
Легковейные слова!

И беру, приготовишкой,
Логарифмов толстый том.
Не поэтом, а воришкой
Чувствую себя во всем!
Но заминки, заиканья,
Неумелость, лепетанье,
 И молчанье,
 И желанье—
Все о том, о том, о том!

Февраль 1924

4.

Obstinate reveries like birds
 Scatter in all directions.
 Either sleep visits, or not,
 But you are always beside me.
 I'm not skilled at faking it
 And don't dare say the whole of it,
 And shrink,
 And go mute
 At a captivating trait.

My head is carouseling
 From a vernal hangover...
 The sweetness of this happiness
 Is familiar and novel!
 How substantial they must be,
 Unusual, unknown,
 And wonderful
 And delightful
 Daintily fluttering words!

So I pick up a thick tome
 Of logarithms. Nervous
 As a schoolboy, not a poet
 But a pilferer in all I do!
 Stammering and stuttering,
 Jabbering and bumbling,
 And silence
 And desire—
 Everything is about it, it, it!

February 1924

5.

К Вам раньше, знаю, прилетят грачи,
И соловьи защелкают на липах,
И талый снег в канавах побежит...
Но ласточки, что делают весну
И вечера жемчужные пророчат,
Уж прочертили небеса мои,
И если легкой рябью ваших глаз
Коснулись,—то было отраженье
Моих зрачков, упорных и смущенных.

Февраль 1924

5.

I know the rooks will fly to you sooner
And nightingales will start warbling in lindens,
And melted snow begin running in trenches...
But the many swallows that do make spring
And prophesy pearly evenings
Have already charted my skies,
And if touched with your eyes' light
dazzle—then it was the reflection
Of my pupils, stubborn and abashed.

February 1924

6.

Он лодку оттолкнул. На сером небе
Заметил я неясную фигуру.
Высокий, плоский берег только тучи
Давал мне видеть, да пучки травы.
Его лицо наклонено ко мне...
Я пристально старался угадать,
Не тот ли он, о ком мне говорили.
Глаза смотрели смело и легко,
Прелестный рот, упрямый подбородок,
И ожидание далеких странствий,
Друзей, завоеваний и побед...
Но в юности такое выраженье,
Пытливое и нежное, встречаем
Довольно часто... Вдруг он улыбнулся.
Я посмотрел еще раз и сказал:
«Мне говорили... нас предупреждали,
Что в этом месте, в этот день и час
Мы встретим человека, по приметам
Похожего на Вас. Он—тайный друг
И уготован для любви и славы,
Быть может, это Вы? Тогда садитесь,
Поедьте,—нам надо торопиться.
Но может быть... Я слышу запах роз...
Высокий берег этот так нелепо
Устроен, что никак нельзя узнать,
Что дальше там находится. Наверно,
Там—поле, сад и Ваш отцовский дом,
Невеста и шотландская овчарка...
Пожалуй, все это придется бросить,
Коль не хотите, сидя Вы на месте,
Скончаться мирно мировым судьей.
А если, мистер, Вы—простой прохожий

6.

He pushed the boat away. On the gray sky
I noticed an ambiguous figure.
The towering, flat shore only let me see
Storm cloud upon cloud and bunches of grass.
His face was angled in my direction...
I intently effected an effort to guess,
If he was the one they had told me about.
His eyes looked out bravely and easily,
A charming mouth, an inflexible chin,
And the promise of distant travels
Of companions, battles and victories...
But in youth, we come across that manner
Of expression, so searching and delicate,
Rather often... He smiled suddenly
I gave him another look and said:
“They were telling me... they were warning us,
That on this day at this place and at this hour
We would meet a person who looks like you
With your distinctive marks. He is a secret
friend and preordained for love and glory,
Could it be you? Then get in, have a seat,
Let’s start moving—We have to hurry.
But it could be... I sense the scent of roses...
This tall shore is so awkwardly arranged
That there’s no possibility to know
What lies beyond it. Probably, there
Is a field, a garden, and your father’s house,
Your betrothed and a Scottish collie...
I dare say, you’ll have to let it all go,
As long as you don’t want to end peacefully,
A Justice of the Peace, sitting in one place.
And if, mister, you’re purely a passerby

И просто так мою толкнули лодку,
Благодарю Вас и за то. Услуги
Я не забуду Вашей... Добрый путь!..
А очень жаль!..»

Март 1924

IO.

I will not utter the name...
Neither saddened, nor happy,
A gardener sowed the grass
On the ruined promontory.
 The panpipes blow,
 The meadow grows,
But swift time does not slow.

The old rampart serves as a stroll,
covered over by young grass.
The lover saw all sorts of things
A little turret beyond the dunes,
 And forest pines,
 And the hillside,
And the flat sea's wide expanse...

The former gardener came, too:
 "O! How floodplain-like the green
I didn't think the seeds I strewed
Would live under the canopy!"
 Honeyed perfume,
 The flies' hum,
Far off a shepherd fife's a tune.

He finds a sweet, cordial slumber...
Suddenly, a voice, refined
And simple, sings: "You are sleeping,
Endymion, magic child!
 You cultivated me,
 And captivated yourself,
Come, accept the mutual energy."